

УДК 81. 811.512.154:371

https://doi.org/10.33619/2414-2948/89/75

КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ МЕСТОИМЕНИЙ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

©Атакулова М. А., д-р филол. наук, Ошский технологический университет им. акад. М.М. Адышева, г. Ош, Кыргызстан, atakulova.m@bk.ru,

©Абдыкадырова С. Р., Ошский государственный университет,
г. Ош, Кыргызстан, sabdykadyrova@oshsu.kg

©Ташиева Н. С., Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан

PRONOUNS IN THE COMMUNICATIVE-DISCURSIVE ASPECT AS AN OBJECT OF STUDY IN A MODERN LANGUAGE UNIVERSITY

©Атакулова М., Dr. habil., Osh Technological University name of M. Adyshev,
Osh, Kyrgyzstan, atakulova.m@bk.ru

©Abdykadyrova S., Osh State University, Osh, Kyrgyzstan, sabdykadyrova@oshsu.kg

©Tashieva N., Osh State University, Osh, Kyrgyzstan

Аннотация. Цель данной работы — кратко охарактеризовать особенности функционирования некоторых личных местоимений киргизского языка с точки зрения коммуникативного подхода к речи. Авторы данной работы предприняли попытку рассмотреть лингвистические проблемы местоимений киргизского языка и представить их в описаниях местоименных слов киргизского языка. В исследовании констатируется, что каждое местоимение имеет лексическое значение, которое закреплено лексикографически. Категориально-грамматическое значение местоименных слов — эгоцентризм, вокруг которого группируется все демонстративное поле. В работе эгоцентризм определяется как категориальное значение местоименных лексем. Их семантика абстрактна. А предметность и различие — это исключительные категориальные значения местоименных лексем, характеризующие их виды и подвиды.

Abstract. The purpose of this work is to briefly characterize the features of the functioning of some personal pronouns in the Kyrgyz language from the point of view of a communicative approach to speech. The authors of this work made an attempt to consider the linguistic problems of the pronouns of the Kyrgyz language and present them in the descriptions of the pronominal words of the Kyrgyz language. The study states that each pronoun has a lexical meaning, which is fixed lexicographically. The categorical-grammatical meaning of pronominal words is egocentrism, around which the entire demonstrative field is grouped. In the work, egocentrism is defined as the categorical meaning of pronominal lexemes. Their semantics is abstract. And objectivity and distinction are the exclusive categorical meanings of pronominal lexemes that characterize their types and subspecies.

Ключевые слова: речевой акт, прономинативы, местоимение, лексемы.

Keywords: speech act, pronominals, pronoun, lexemes.

В настоящее время происходящие дискурсивные изменения в западной и отечественной исторической лингвистике пробуждают возрастающий интерес к изучению эволюции речевой деятельности в различных сферах жизни общества, так как кардинально развивающаяся коммуникация всегда будет претендовать на осмысление произошедших в

ней перемен. понимание происходящих в обществе перемен. Стремление понимать изменения, происходящие в обществе, будет всегда, так как общение существенно развивается. Коммуникативно-дискурсивный аспект играет важнейшую роль в современном социуме, и признается как один из наиболее эффективных способов реализации образовательной языковой политики при обучении любого языка в современном вузе. Новизна данного исследования — в недооценке роли парадигматических свойств прономинативов в прагматических изменениях их употребления.

Коммуникативно-речевое своеобразие местоименных слов всегда было предметом изучения. Однако в кыргызском языкознании и тюркологии этот вопрос никогда не поднимался и специально не изучался. Поэтому в данной работе мы стремимся кратко охарактеризовать особенности функционирования некоторых личных местоимений в кыргызском языке с точки зрения коммуникативного подхода к речи. Перед нами стояла задача определить эгоцентризм как категориальное значение местоименных парадигм в кыргызском языке, проанализировать местоимения и сферы их отражения с позиций индивидуально-личностной направленности производителя речевых сообщений. в ходе исследования применялись методы анализа методической литературы по теме работы, описательный и сравнительно-сопоставительный метод исследования, методы анализа, синтеза, моделирования, обобщения, аналогии и формализации.

Одной из специфических особенностей местоимений языка является их семантика. Местоименная семантика абстрактна, универсальна и очень гибка. Абстрактность семантики привела к тому, что теория местоимений превратилась в узел языковых противоречий. Речевое общение есть коммуникация, осуществляемая ее участниками с помощью речевых актов для обмена информацией. Речевым актом, как известно, называют целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в обществе. Основными его чертами являются намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность (согласительность) [1].

Любой текст отражает позицию говорящего, которая является центром речевого высказывания. Коммуникативный речевой акт имеет компоненты, которые включают в себя адресанта, адресата, сообщение, ситуацию, цель сообщения, код сообщения, контакт между коммуникантами, т.е. говорение-слушание, чтение-письмо, чтение «про себя» - чтение вслух и т.д.), модальность сообщаемой информации, объективность-субъективность выражения и понимания сообщения, жанрово-стилистическое воплощение информации (письмо, реплика, контраргумент, отчет, интервью, сказка, и т. д.). Он всегда соотносится с лицом производителя речи, являющегося активным участником коммуникации. Говорящий (или пишущий) всегда выступает в качестве «дирижера» речевого акта, определяет предмет и тему речевых произведений, выражает свою точку зрения и отношение к адресату, к предмету разговора. Коммуниканты производят и воспринимают речевые акты в соответствии с ситуацией общения, со своими намерениями, устремлениями и целеустановками, исходя из имеющегося уровня своей языковой и культурно-образовательной компетентности. Речевое общение отражает реальную систему жизнедеятельности коммуникантов и поэтому в нем в той иной степени проявляются личностные черты адресанта и адресата, их общественное положение и статус, их ориентиры в пространстве и во времени и т.д.

Прагматика всех личных местоимений заключается в единстве и взаимодействии говорящего и слушающего как между собой, так и с третьим лицом. Однако в речи участники общения часто меняются ролями: личные местоимения второго и третьего лица могут указывать на говорящего, и, наоборот, личные местоимения первого лица могут указывать на второе или третье лицо. Сразу отметим, что система местоимений, особенно личных,

адекватна акту коммуникации: она включает в себя отправителя речи (1 лицо), получателя речи (2 лицо) и не-участника или объекта коммуникации (3 лицо). Иными словами, трехчленная оппозиция личных местоимений составляет базу осуществления речевого акта. Члены этой оппозиции противопоставлены друг другу по участию в диалоге, являющемся естественной формой коммуникативного акта. Поэтому неслучайно В. А. Богородицкий подразделял личные прономинативы на диалогические (1 и 2 лицо) и 3 лицо, «стороннее разговаривающим» [2].

Данная оппозиция значительно осложняется, когда она рассматривается не как модель или схема, отражающая абстрактное соотношение личных прономинативов, а как отношение реальное, существующее в пространстве и времени. Характеризуя диалог с учетом его реальных пространственно-временных параметров и ориентиров, мы видим подвижность и динамичность всей системы личных местоимений. Так, 3 лицо может обозначать субъект коммуникации, участника диалога в прошлом или будущем временном плане и объект речевого акта, предмет диалога по отношению к моменту общения. *Ал сага эмне дегени менин эсимде* «Я помню, что он говорил тебе». В данном речевом произведении местоимение 3-го лица *ал «он»* выступает в качестве говорящего в прошлом. Адресат сага «тебе» и в прошедшем речевом акте, и в настоящем речевом акте имеет статус адресата, т.е. выполняет функцию 2 лица. А отправитель речи, выраженный словоформой — прономинативом *менин «мой»* и лично-посессивным суффиксом — *им- «мой»*, в данном высказывании, т.е. в момент речи, выступает в качестве 1 лица, в прошлом же речевом акте он занимал позицию наблюдателя, не-участника общения, выполняя роль 3 лица. С точки зрения настоящего времени *ал «он»* является объектом и не-участником общения. В одном высказывании две единицы совмещают роли разных коммуникантов: *ал «он»* — роли отправителя речи и не-участника общения; *менин и –им «мой»* - роли не-участника общения и отправителя информации.

Во фразе *Сен ага эмне дебегин, ал түшүнбөйт* «Что бы ты ему ни говорил, он не поймет» два плана — план ирреальный и план реальный. Условная часть фразы содержит предположение. В данном высказывании *сен «ты»* является адресантом (отправителем речи), а *ага «ему»* — адресатом (получателем речи) в предполагаемых и ирреальных ситуациях речи, *сен «ты»* выступает в роли адресата, *ал «он»* в роли объекта (не-участника) речи в реальном акте речи. Иначе говоря, *сен «ты»* одновременно выполняет функции отправителя и получателя информации. Позиция автора текста, т.е. общего «я», представлена не явно, имплицитно. В речевом акте отправной точкой соотношения и корреляции личных прономинативов является говорящее лицо, его позиция в координатах пространства и времени. Производитель речи выступает как точка отсчета речевого акта, поскольку, как пишет Л. Я. Маловицкий, «вся прономинативная система эгоцентрична» [3] в коммуникации и подчиняется позиции, видению и целям отправителя информации.

В языке многочисленные факты свидетельствуют о том, что корреляция личных местоимений сопряжена с временными значениями. Известно, что естественный временной план диалога — настоящее актуальное время. Например, в предложении *Мен сени түшүнүп эле турам. Ал акмак. Эмне кылайын?* (разг.) «Я тебя уж понимаю. Он дурак. Что мне делать?» местоимение *мен «я»* совпадает с производителем речи, который говорит сейчас, в данный момент и здесь. Местоимение *сени «тебя»* совпадает с получателем информации, который тоже находится здесь, сейчас. Слово *ал «он»* совпадает с объектом речи, отсутствующим на месте и во время разговора. Это типичное употребление личных местоимений в речевом акте.

Настоящее актуальное обычно опирается на референцию «я-сейчас-здесь», «ты-сейчас-здесь». Только не-участник диалога, т.е. ал «он», не принимающий участие в диалоге, находится вне этой референции: может быть и не сейчас, и не здесь. Более того, если местоимение ал «он» обозначает лицо, присутствующее при диалоге в настоящем продолжительном, то по этическим нормам ал «он» не употребляется. В этом случае обычно называется имя этого лица. В связи с изложенным интересны наблюдения Э. Бенвениста. Его мысли могут быть экстраполированы и на факты киргизского языка. Он в статье «Природа местоимений» писал: «Это есть объект, наглядно обозначаемый одновременно с протекающим актом речи, имплицитная соотнесенность... будет ассоциировать данный предмет с я и ты. Вне этого класса, но в том же плане и с такой же референцией оказываются наречия здесь и сейчас. Отношение этих элементов к «я» станет очевидным в следующем определении: здесь и сейчас ограничивают непосредственно данные место и время, тождественные по положению в пространстве и во времени с речевым актом, содержащим я... Дейксис совпадает во времени с моментом речи, содержащим указатель лица, эта соотнесенность к моменту речи и придает указательному слову каждый раз единственный и неповторимый характер, заключающийся в единственности речевого акта, с которым указательное слово имеет референцию. Основным, таким образом, является соотношение указателя (лица, времени, места, показываемого объекта и т.д.) с данным настоящим моментом речи» [4].

Планы прошедшего и будущего времени связаны с референцией «я-тогда-там», отдаляют время и место общения от момента разговора и предоставляют большую свободу коррелятивного употребления мен «я» - сен «ты», мен «я» — ал «он, она», поскольку референция «он-тогда-там» денотативно может быть тождественна референции «я-сейчас-здесь». Ср., например, высказывание *Сен ага мен тууралуу эмне дедиң эле?* «Что ты говорил ему про меня», которое построено по схеме «ты-тогда-там». Значение «ты» заключено в местоимении сен и суффиксе -ң. Отправитель речи — 2 лицо в прошлом. А местоименная словоформа ага «ему» означает адресата, т.е. получателя речевой информации. В данном акте речи слово мен (тууралуу) «(про) меня» соотносится с не-участником «тогдашнего» общения, являясь выразителем 3 лица. Это говорит о том, что в речевом акте в зависимости от контекста и ситуации общения коммуниканты могут меняться ролями [1].

Предложение *Ал мага сенин үстүңөн арыз жазарын айткан* «Он говорил мне, что напишет на тебя» имеет референцию «я-тогда-там», которая содержит два плана – план прошлого и план будущего. Высказывание ведется от имени первого лица. В нем участвуют местоимения 1, 2 и 3 лиц. Однако местоимение 3 лица ал «он» выполняет функцию отправителя информации (функцию говорящего), местоимение 1 лица — функцию получателя информации (собеседника), а местоимение 2 лица выполняет роль объекта речи, т.е. неучастника общения. Одно действие отправителя речи осуществлено в прошедшем времени, а другое действие намечается на будущее.

В примере *Мен сенин кандидатураңды сунуштадым. Чын. Бирок ал колдобой койду.* «Я предложил твою кандидатуру. Правда. А он не поддержал» четко вырисовывается референция «я-тогда-там». В центре высказывания — говорящее лицо, представленное местоимением мен «я» и суффиксом -м «я». Эти местоимение и лично-предикативный суффикс 1-го лица ед.ч. представляют собой центр референции «я-тогда-там». Местоимение сенин «твоя» и лично-посессивный аффикс -ң «твоя», соотносясь между собой (*сенин кандидатураң* — твоя кандидатура), означают отсутствующее лицо, т.е. не-участника общения. А местоимение ал «он» в координации с нулевым аффиксом в словоформе вспомогательного глагола *койду-ш* (ср. койдум в 1 лице) соотнесено с получателем

информации. В данном тексте имеется два плана — план прошлого с тремя лицами и план настоящего. План настоящего тоже включает в себя трех референтов: мен «я» и –м «я» — отправитель информации, *сенин* «твоя» и –*н* «твоя» - получатель информации, *ал* «он» и - *ш* «он» — объект речи, не-участник общения в момент речи [1]. План настоящего имеет референцию, отличную от плана прошлого. Это говорит о том, что наряду с референцией «я-тогда-там» в данном тексте имеет место и референция «я-сейчас-здесь». Две референции совмещаются в одном акте речи.

Есть случаи, когда личные местоимения выходят за пределы референций «я-сейчас-здесь» и «я-тогда-там», принимая обобщенный и иногда аллегорический смысл. Обратимся к афоризму *Мен таза болсом, сен таза болсоң, анда коом да таза болот* «Если я буду чистым, ты будешь чистым, то и общество будет чистым». В этом примере местоимения мен «я» и сен «ты» имеют обобщенный смысл. Они прямо не соотносятся с конкретным говорящим и собеседником, выступая прономинальным знаком каждого отдельного члена общества. Здесь дихотомия «Я — не-я» представлена не оппозитивно, а объединительно. В качестве ее денотатов выступают единичные люди в составе целого общества. Данный афоризм, принадлежащий общественному деятелю И. Раззакову, вероятно, восходит к паремии *Мен күйбөсөм, сен күйбөсөң, ким күйөт?* [5] или, по крайней мере, сходен с нею по строению. Эту паремию можно перевести на русский язык следующим образом: Если я не забочусь, ты не заботишься, кто же будет заботиться? И в этом примере местоимения мен «я» и сен «ты» коррелируют друг с другом точно так же, как и в рассмотренном выше афоризме.

Проанализируем крылатое выражение *Мен чарыкчанды сүйбөйм, өтүкчөн мени карабайт* [5] — «Я не люблю бедняка, а богатый на меня не смотрит», где мен «я» и мени «меня» не соотносятся с конкретным производителем речи, а выступают в качестве прономинального означающего в значении «каждый (человек)», «любой (человек)». Эта паремия может быть заменена трансформой *Ар ким чарыкчанды сүйбөйт, өтүкчөн ар кимди сүйбөйт*- «Каждый (человек) не любит бедняка, а богатый на каждого не смотрит» [5]. Употребление прономинатива мен «я» вместо ар ким «каждый, всякий, любой» в данном случае как бы отстраняет и отводит оценку от реального субъекта в сторону говорящего, усиливая этим обобщение и смягчая «критику» этого субъекта.

Личные прономинативы в составе пословично-поговорочных изречений расширяют свою семантику в плане отражения и обобщения объектов и их свойств. Иногда семантика прономинативов нейтрализуется, особенно в тех случаях, когда они отождествляются: мен «я» — сен «ты», биз «мы» — алар «они» и т.д. Например, пословица *Сиздин акканыңыз — биздин акканыбыз* [5]- «Ваша беда — наша беда» (букв. «Ваше течение — наше течение»), приводимая М. Ибрагимовым устраняет формально-семантическую дифференцированность двух рядов прономинативных образований — генитивных и лично-предикативных форм:

Сиз-дин - ыңыз «ваше + вы»

Биз-дин - ыбыз «наша + мы»

Паремия содержит важное этическое содержание. Говорящая сторона отождествляет себя с участником общения. Адресант и адресат, по мысли отправителя информации, идентичны и не имеют различий и разногласий. Отправитель сообщения подчеркивает взаимосвязь и взаимообусловленность действий, поступков своих и собеседника. Ср., например: *Сиздин ийгилик (= ийгилигиңиз) – биздин ийгилик*- «Ваш успех – наш успех», *Сиздин бала(ңыз) – биздин бала* -«Ваш ребенок – наш ребенок» и т.д. Иногда эта речевая формула используется в этических, дипломатических, саркастических и иных целях. В этом случае значение слова *биз* «мы» противопоставлено значению *сиз* «вы». Таким образом, мы видим, что местоименное значение является гибким и подвижным, принимает разные

оттенки в соответствии с контекстом, целеустановкой и намерением отправителя речевых сообщений. Рассматривая русские предложения типа *Я убит подо Ржевом – Мен Ржевдин жанында өлтүрүлгөнмүн*, Л.Я.Маловицкий подобное употребление прономинативов называет панхроническим, поскольку прономинатив *я* «мен» включен в логически несовместимый с ним контекст. По его мнению, данное местоимение находится вне оси «я-здесь-сейчас». «Высказывание *Я сейчас здесь* истинно в каждом случае его произношения, то есть является необходимо истинным: фразы типа *Меня здесь нет; Я не здесь, а там* могут иметь только переносное значение, в прямом понимании они абсурдны» [3].

Диалектика временных отношений в соединении с прономинативом обладает огромным семантическим потенциалом. Так, отношение *кечээ*-«вчера» - *бүгүн*-«сегодня» — *эртен/эртеге* — «завтра», где центральным звеном выступает сегодня, связанное с моментом осуществления речи, с *мен* «я», ориентируясь на координацию с временным планом повествования, способно объединить три временных среза. Ср., например: *Эртең эле согуш болгон* – А завтра была война (Б.Васильев) или: *Сени кечээ келбейт деп ойлогом*- «Я думал, что ты вчера не придешь». Во втором примере производитель речи говорит сегодня о том, что случилось вчера и во что не верилось позавчера. А в первом примере автор сегодня рассказывает о прошлом, которое предшествовало началу Великой Отечественной войны.

Система прономинативов во многом определяет оптику и стратегию текста. Фактически, система «адресант - адресат - не-участник» есть фокусная шкала, которая определяет расстояние между говорящим и объектом. Смена местоимений – это часто смена семантического фокуса, смена точки видения объекта. Интересны в этом отношении факты замены первого лица вторым. Ср. пример из разговорной речи: *Туура айтсаң, эч кимге жакпайсың. Муну эмдигиче билбепмин* — «Если скажешь правду, никому не понравиться. Этого я не знал до сих пор». В данном тексте –*мин* «я» является суффиксальным прономинативом 1-го лица. В то же время суффиксом –*ң* «ты» (*айтсаң*- «если скажешь» и *жакпайсың* «не понравиться») отправитель сообщения рассказывает о себе, ведет повествование в первом лице (*муну эмдигиче билбепмин* «я этого до сих пор не знал»), сначала отстраняется от себя, от «я-сейчас» и обращается к «я-всегда» как адресату, заключенному в суффиксе –*ң* «ты» в значении 1 лица. Второе лицо является элементом трехчленной системы личных местоимений и аффиксов и обладает своей мерой в шкале расстояний между производителем речи и не-участником (объектом) общения. 2 лицо сокращает эту дистанцию, становясь между ними связующим звеном.

Обратимся снова к паремиям. Киргизы говорят: *Малың барда баары дос, малың жокто кана дос?* [5] «Когда есть богатство (скот) - все друзья, когда нет богатства (скота) - где друзья?». Мы здесь имеем дело с двумя трансформами одной паремии, которые употребляются параллельно. В первой трансформе представлен суффикс 2 лица (-*ың* «твой, твое»), во второй — суффикс 1 лица (-*ым* «мой, мое»). Их значения идентичны и полностью совпадают. Мы видим семантическую нейтрализацию суффиксально-прономинативных признаков 1 и 2 лица. Явление нейтрализации свойственно и другим личным прономинативам. В определенных видах текста местоимения *мен* «я» и *биз* «мы» соотносятся с одним и тем же денотатом (ср. авторское *биз* «мы» в научном и публицистическом тексте). Дифференциация по признаку числа иногда устраняется между местоимениями *сен* «ты», *сиз* «Вы» и *силер* «вы», а также между *ал* «он, она» и *алар* «они». Все они могут иметь одного отдельно взятого референта [6].

Все это говорит о прагматической значимости и функционально-семантической подвижности прономинативов языка как на лексическом, так и на морфемном уровне. Содержание прономинатива меняется в зависимости от позиций и «картины мира»

коммуникантов, от контекстных координат (от места, времени, условий и т.д. общения, от личности коммуникантов в ролях говорящего и слушающего и т.д.). Прав Е. Н. Сидоренко, который называет прономинацию «особым способом отображения, при котором отсутствует постоянно закрепленная связь данного звукового комплекса с каким-либо явлением объективной действительности, а вместо этого подобная связь осуществляется контекстуально-ситуативно» [7].

Все личные местоимения могут соотноситься с одним и тем же денотатом, выступая в качестве его «отражателя», в зависимости от позиции адресата, адресанта и объекта, от условий контекста и дискурса. Речевые акты в совокупности составляют нечто целое, которое называют дискурсом. В таком речевом целом отражается и реализуется стратегия замысла производителя речи. Обращение к дискурсу приводит к «восстановлению роли субъекта в лингвистике» (П. Серио) [8]. Ведь говорящий в процессе общения выражает свою точку зрения и отношение к собеседнику, к предмету речи. А обращенные к нему высказывания он воспринимает исходя из имеющегося уровня компетентности и конкретной речевой ситуации. Дискурс как последовательность речевых актов проявляется в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами и берется в событийно-ситуативном аспекте с учетом ролей участников общения и мыслительно-речевых механизмов их сознания. Коммуникативно-дискурсивный подход к функционированию личных местоимений позволил нам рассмотреть их в живой ткани высказывания и определить в целостно-организованных речевых произведениях статус и значимость производителя речи, который презентует себя и выражает свое отношение к адресату, предмету речи, к действительности и к важнейшим бытийным ценностям. В дискурсе говорящий привлекает внимание слушающего, обращаясь к нему и подчеркивая связь своего высказывания с актуальными в момент речи проблемами, устанавливает контакт и обеспечивает ответную реакцию слушающего (получателя информации), специальным образом режиссируя свое высказывание и включая в него фрагменты высказываний адресата и/или не-участников. В таком дискурсе личные прономинативы выступают в качестве незаменимых единиц языка, организующих цепь речевых актов. Личные местоимения в силу своих природных свойств способны организовывать дискурс. Именно личное местоимение со значением «я» означает говорящего. А дискурс — это «речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции» (П. Серио) [8].

Межличностные отношения в дискурсе невозможно представлять без личных местоимений как означающих коммуникантов в ролях адресанта, адресата и объекта речевых сообщений. Поэтому есть основания считать рассматриваемый разряд местоимений в качестве важных звеньев в организации дискурса и текста в целом. Межличностные отношения в дискурсе не могут быть представлены без личных местоимений как означающих коммуникантов в роли адресанта, адресата и объекта речевого сообщения. Поэтому есть основания рассматривать рассматриваемую категорию местоимений как важные звенья в организации дискурса и текста в целом.

Данное исследование может быть полезным при обучении кыргызскому языку в целом. Значимость работы заключается также в возможности использования полученных в ходе исследования выводов и результатов при изучении тюркологии, лексикологии и грамматики языка, в разработке теоретических вопросов этимологии, стилистики, сравнительного языкознания, в обучении кыргызскому языку как неродному в современном вузе.

Список литературы:

1. Атакулова М. А., Абдыкадырова С. Р., Жанибекова Б. А. О статусе категории принадлежности // Известия Ошского технологического университета. 2022. №1. С. 265-270.

2. Богородицкий В. А. Введение в тюрко-татарское языкознание: Ч. 1. М., 2013. 58 с.
3. Маловицкий Л. Я. Вопросы истории предметно-личных местоимений (местоимения КТО-и ЧТО основ) // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. 1971. Т. 517. С. 3.
4. Бенвенист Э. Общее языкознание. М.: Прогресс. 1974. 447 с.
5. Ибрагимов М. Кыргызский макал-лакаптары, учкул создур. Карабалта, 2005.
6. Зулпукаров К. З., Зулпукарова А. К. О происхождении и развитии личных местоимений в ностратических языках // Сборник научных трудов Узгенского технико-педагогического института и Ошского технологического университета. 2002. №6. С. 33-39.
7. Сидоренко Е. Н. Очерки теории местоимений в современном русском языке. Киев, 1990. 148 с.
8. Серю П. Квадратура смысла: Французская школа дискурсивного анализа. М.: Прогресс, 1999. 416 с.

References:

1. Atakulova, M. A., Abdykadyrova, S. R., & Zhanibekova, B. A. (2022). O statuse kategorii prinadlezhnosti. *Izvestiya Oshskogo tekhnologicheskogo universiteta*, (1), 265-270. (in Russian).
2. Bogoroditskii, V. A. (2013). Vvedenie v tyurko-tatarskoe yazykoznanie: 1. Moscow. (in Russian).
3. Malovitskii, L. Ya. (1971). Voprosy istorii predmetno-lichnykh mestoimenii (mestoimeniya KTO-i ChTO osnov). *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A. I. Gertsena*, 517, 3. (in Russian).
4. Benvenist, E. (1974). Obshchee yazykoznanie. Moscow. (in Russian).
5. Ibragimov, M. (2005). Kyrgyzskii makal-lakaptary, uchkul sozduru. Karabalta.
6. Zulpukarov, K. Z., & Zulpukarova, A. K. (2002). O proiskhozhdenii i razvitii lichnykh mestoimenii v nostraticheskikh yazykakh. In *Sbornik nauchnykh trudov Uzgenskogo tekhniko-pedagogicheskogo instituta i Oshskogo tekhnologicheskogo universiteta*, (6), 33-39. (in Russian).
7. Sidorenko, E. N. (1990). Ocherki teorii mestoimenii v sovremennom russkom yazyke. Kiev. (in Russian).
8. Serio, P. (1999). Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola diskursivnogo analiza. Moscow. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 02.03.2023 г.*

*Принята к публикации
10.03.2023 г.*

Ссылка для цитирования:

Атакулова М. А., Абдыкадырова С. Р., Ташиева Н. С. Коммуникативно-дискурсивный аспект местоимений в киргизском языке // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. №4. С. 585-592. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/89/75>

Cite as (APA):

Atakulova, M., Abdykadyrova, S., & Tashieva, N. (2023). Pronouns in the Communicative-Discursive Aspect as an Object of Study in a Modern Language University. *Bulletin of Science and Practice*, 9(4), 585-592. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/89/75>